

ЛИАНН ЧЖАН

ДЖУЛИ ЧАН МЕРТВА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ч-18

Liann Zhang
JULIE CHAN IS DEAD

Серия «Твое алиби»

This edition published by arrangement with
Transatlantic Literary Agency Inc. and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского Веры Гордиенко

Иллюстрация на обложке Алексея Жижицы

Оформление обложки Виктории Давлетбаевой

Чжан, Лианн.

Ч-18 Джули Чан мертва: [роман] / Лианн Чжан; —
[перевод с английского В. Гордиенко]. — Москва:
Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Твое алиби).

ISBN 978-5-17-184130-0

Джули Чан не убивала свою сестру-близнеца Хлою. Она просто нашла ее мертвой в нью-йоркской квартире.

Вместо того чтобы вызвать полицию, Джули делает отчаянный шаг — занимает место покойной. В одно мгновение она примеряет чужую идеальную жизнь с дизайнерской одеждой, миллионами подписчиков и всеобщим обожанием. Экранный образ срabатывает безупречно, и фанаты даже не замечают подмены.

Однако за безупречным фасадом блога скрывались паранойя, манипуляции и мрачные секреты. Хлоя была частью элитного и закрытого круга Беллы Мари — королевы интернета. Оказавшись на частном острове вместе с лицемерными «подругами» сестры, Джули вынуждена играть чужую роль до конца. Но чем глубже она погружается в этот глянцево́ый кошмар, тем отчетливее видит: у смерти Хлои были глаза и руки. И теперь, когда Джули носит ее лицо и имя, эти глаза смотрят уже на нее.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Copyright © 2025

by Liann Zhang Books Inc.

© В. Гордиенко, перевод, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-184130-0

*Посвящается интернет-блогерам
начала 2010-х, которые
меня воспитали.*

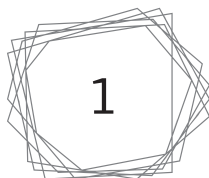
*Но в первую очередь — моей маме,
которая меня вырастила.*

Давайте сразу кое-что проясним:
я не убивала свою сестру-близнеца.

Февраль

— Ты видео снимаешь? — Что? — Я поднимаю взгляд на светловолосую девчонку по ту сторону прилавка, пробивая на кассе коробку гигантских тампонов. За ее спиной стоят еще трое удивительно похожих друг на друга экземпляров, скользящих по мне пристальными взглядами, не лишенными любопытства.

— Видео, — уточняет она, ничего не объясняя. — Тут где-то скрытая камера?

Ее подружки, в восторге от этой идеи, принимают осматривать пыльные балки под потолком, водят ухоженными руками по обложкам дешевых таблоидов, словно между хлипкими страницами со скандалами про знаменитостей спрятана зеркалка. Одна указывает на дверь.

— Вижу! Там! — улыбается она и машет.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

— Это камера наблюдения. И, пожалуйста, не трогайте журналы. Я не понимаю, о чем вы говорите.

Хотя на самом деле понимаю.

Прекрасно понимаю, о ком речь.

— Ты же Хлоя Ван Хейзен, да?

Ну вот. Приехали.

Хлоя Ван Хейзен.

— Я твоя фанатка! Смотрю тебя с десяти лет.

Я натянута улыбаюсь, стиснув зубы.

— Я не Хлоя. Пакет нужен? Десять центов.

— Не-а. — Она вставляет карту в терминал. Черная карта AmEx. Ну конечно.

Эта девчонка с золотистыми локонами, богатыми родителями и безлимитной картой — целевая аудитория Хлои.

— Но ты же снимаешь видео, да? Ну а зачем еще тебе тут быть? Сейчас угадаю! Это челлендж «Работаю кассиром двадцать четыре часа»?

— О! — подхватывает другая. — Или «Новая работа каждую неделю»?

— Нет! Прошу прощения! — Я отрываю чек, вылезший из принтера, и сую бумажку ей в руку. — Спасибо за покупку в «Суперфудс». Хорошего вам супердня. До свидания!

Девушка отступает, ошарашенная моим резким тоном, и торопливо уходит со своей стрекошущей свитой, приглушенно пищая, как комары:

— Вот она стерва!

— Это не она. Хлоя о-очень милая.

— О господи...

— Что?

— А если это ее сестра? Из того видео?

Вздых.

— О боже, точно!

— Как ее звали? Дженис?

— Джордан?

— Джейд?

— Джули! — кричу я.

Они вздрагивают и оборачиваются, широко распахнув глаза. Одна из них испуганно пищит. Первая девчонка роняет тампоны. Поднимает коробку и следом за подружками вылетает из магазина, будто спасаясь от бешеного животного.

— Кричать на покупателей запрещено, — напоминает Вера, кассирша на соседней линии. Ее золотой значок «Сотрудник месяца» бликует на свету. — Каждый должен уходить из «Суперфудс» с отличным настроением.

— Плевать.

У нее сам собой открывается рот, в глазах загорается искра желания прочесть мне лекцию о Десяти Заповедях Идеального Сотрудника «Суперфудс». К счастью, к ее кассе подходит покупатель, и она тут же разворачивается к нему.

— Добро пожаловать в «Суперфудс»! — щебечет она. — Надеюсь, у вас супердень!

Сдерживая зевоту, я облокачиваюсь на прилавок и вижу, что через грязное квадратное окошко в двери кабинета на меня с прищуром смотрит менеджер. Под его настороженным взглядом я вытаскиваю коробку KitKat и перекладываю красные батончики, делая вид, что занята, пока мысленно возвращаюсь к этим девчонкам.

Может, я обошлась с ними слишком резко? Любая девушка и так живет все равно что в седьмом круге ада. А у одной из них еще и месячные. В таком состоянии не обрадуешься, если на тебя наорет двойник твоего интернет-кумира.

А вот я совершенно не в восторге от любого упоминания о моей сестре.

Стоит лишь прошептать ее имя, и меня словно переключивает, я становлюсь немного... раздражительной. Совсем чуть-чуть. Капельку.

Хотя, если бы вы знали мою близняшку так, как знаю ее я, вы бы поразились моей сдержанности.

Открою вам неприятную правду, которую фанаты Хлои Ван Хейзен не хотят знать: она далеко не тот милый ангелочек, каким притворяется.

Мне хватило одного дня рядом с ней, чтобы это понять.

Мы встретились, когда нам было уже по двадцать одному году. Случилось короткое распиаренное воссоединение спустя целых семнадцать лет после того, как пьяный водитель раздавил наших родителей пикапом. Государство разлучило нас еще до того, как мы научились скорбеть: пара, которая ускоренно оформила удочерение Хлои, хотела только одного ребенка. Меня отправили к тете — скупой китаянке, вечно сыпавшей ругательствами на кантонском, которая хранила налоговые декларации в старых пакетах из-под чипсов, — а мою сестру удочерила обеспеченная белая семья в Нью-Йорке, дав ей фамилию Ван Хейзен. Наверняка она жила в таунхаусе с крыльцом, как в «Сексе в большом городе», разгуливала по закрытым частным школам в кашемировых клетчатых юбках и писала ручками с розовыми пушистыми помпонами, пока я делила двухъярусную кровать с двоюродным братом, который ради развлечения цеплял меня за бретельки лифчика.

Я знала о роскошной жизни Хлои, потому что на меня часто смотрели прищурившись, с проблеском узнавания в глазах.

— Слушай, ты похожа на Хлою Ван Хейзен, — говорили мне.

Влоги о ее роскошной жизни привлекли более миллиона подписчиков в «Инстаграме»¹ и шестьсот тысяч — на «Ютуб». Пока она отдыхала за счет спонсоров на островах — на Багамах и Бора-Бора — в одежде от The Row и Loewe, я пробивала купоны за кассой. *Чем занимаюсь до сих пор*. По ночам я часами рассматривала ее страницы, впитывая через экран совершенно другую жизнь. Мой палец иногда зависал над кнопкой «Отправить сообщение», и все же я листала дальше.

---

¹ Сеть «Инстаграм» принадлежит компании МЕТА, деятельность которой запрещена на территории РФ.

Потому что, отправив письмо, я рисковала создать между нами настоящую связь. А создать связь означало бы признать наши различия, закрепить тот факт, что я — человек, родившийся из той же утробы, из той же клетки, — потерпела поражение там, где она преуспела.

А потом, ни с того ни с сего, она снова появилась в моей жизни.

Я отработывала свою обычную утреннюю смену, пробивая бананы (код 4011) и пакет семян чиа для платиновой блондинки с орущим младенцем, вцепившимся ей в грудь, как вдруг к моей кассе подбежала съёмочная группа. Одна камера была направлена на меня, другая — на вход.

Хлоя впорхнула через стеклянные раздвижные двери, как главная героиня фильма нулевых: ее невысокие каблучки отбивали ритм по винилу — «цок, цок, цок», на голове сидел нелепый розовый берет, а солнечные лучи создавали вокруг нее ангельский ореол.

— Джули? — она ахнула, словно не знала, что найдет меня здесь.

Увидеть Хлою вживую было все равно что смотреть в кривое зеркало через бьюти-фильтр. Ее шелковые волосы спадали на плечи мягкими волнами, а мои напоминали засохшее сено с секущимися концами. Ее кожа сияла после бесчисленных бесплатных косметических процедур, а я выглядела так, будто не спала три дня. И ее руки — мягкие, гибкие, без следа малейшей физической работы на заостренных, покрытых лаком ногтях. Тогда как я сгрызла свои ногти до мяса, но так и не избавилась от мучительных заусенцев.

— Сколько же мы не виделись! — Ее глаза наполнились слезами в тот самый момент, когда она обняла меня в меру накачанными руками, а камеры зависли рядом. — Я так скучала по тебе, Джули.

Я застыла в ее объятиях — было ощущение, что я попала в один из отделов парфюмерии, — не в силах

пошевелиться от шока. В голове роились миллионы вопросов — как она меня нашла, зачем пришла, — но ни один не сорвался с приоткрытых губ: меня слишком оглушила толпа, собравшаяся поглазеть на воссоединение сестер.

Ответы я получила, когда посмотрела ее видео. Оказалось, Хлоя наняла частного детектива, чтобы найти меня, еще за несколько месяцев до этого дня. Он следил за мной из темного внедорожника, снимая, как я, ничего не подозревая, пялюсь в телефон по дороге на работу и обратно. Потом к этим кадрам добавили печальную бесплатную музыку, словно я какой-то вымирающий сумчатый зверек из документального фильма. За неделю до своего появления Хлоя связалась с моим менеджером и получила разрешение на съемку. Все сотрудники, работавшие в тот день, знали, что она придет, и с радостью подыгрывали.

После нашей драматической встречи менеджер отпустил меня раньше (не оплатив полный день!), чтобы я продолжила сниматься в видео сестры. На парковке Хлоя туго завязала мне глаза и усадила на пассажирское сиденье машины, напичканной камерами, чтобы сделать «сюрприз». Пока мы ехали, она рассказывала невидимой аудитории историю нашего детства: говорила о смерти родителей и нашей разлуке, вплетая в рассказ трогательные детали, которых я не помнила, но которые могли быть правдой. Время от времени она спрашивала тоненьким голоском: «Правда?», оставляя паузу ровно настолько длинную, чтобы я успела кивнуть, прежде чем продолжить свою бодрую прогулку в темпе вальса по дорожке воспоминаний. Через пятнадцать минут она высадила меня, вложила мне в ладонь ключ и сняла повязку. Прежде чем я успела осознать, что мы находимся на другом конце города, Хлоя указала на дом поодаль и завизжала:

— Это теперь твой дом!

— Ч-что? — Когда я пересматриваю это видео, мне всегда неловко от моего выражения лица. Такая уж получилась уродливая гримаса, особенно по сравнению с моей сияющей счастливой сестрой! Видок у меня был такой, словно у обкурившейся главной героини рекламного ролика «Против наркотиков».

— Учитывая нынешние расценки, я подумала, что, работая в продуктовом магазине, ты, наверное, живешь от зарплаты до зарплаты. Вот и решила купить тебе дом! — хихикнула она, взяв меня за влажную ладонь и увлекая за собой в сторону свежего, явно совсем недавно отремонтированного дома.

Я не могла в это поверить. Ни в то, что после стольких лет пальцы Хлои переплелись с моими, ни в то, что она купила мне дом.

Целый, черт возьми, дом.

На слабо освещенном крыльце, пропахшем свежей краской, мы снимали эпизод, в котором она говорила, как сильно по мне скучала. Речь у нее была сбивчивая, слова — приторные, слишком уж гладкие. Наверняка подготовилась заранее. И все же в тот миг, когда она прошептала: «Я так по тебе скучала, Джу-Джу», — я рассыпалась окончательно.

«Джу-Джу» по звучанию похоже на кантонское «поросенок»: 猪猪. Да, знаю, знаю, звучит не очень, будто смеются над толстушкой. Но это было сказано ласково, клянусь. Это значило, что я маленькая, милая, что меня нужно баловать и обожать, как Макдалла — наивного розового поросеночка из гонконгских мультиков. Услышав это детское прозвище, сорвавшееся с глянцевого губ Хлои, я больше не могла сдерживать переполнявшие меня чувства, на волю вырвался поток горячих слез. Я с безграничной надеждой поверила в ее ложь: она скучала по мне, думала обо мне, любила меня, снова хотела стать моей сестрой. Я и не понимала, до какой степени одинока, как

отчаянно тоскую по семье, пока не появилась Хлоя. Пока меня снова не назвали «поросеночком».

Она была мессией. Прекрасным ангелом, вытащившим меня из бездны.

Прямо-таки «Сотворение Адама», черт подери.

А потом кто-то из съемочной группы сказал:

— Снято.

Камеры выключили.

Хлоя отступила от меня.

Что-то мелькнуло в ее глазах: сияние исчезло, уступив место жуткой отстраненности.

— Пока, Джули.

И она ушла.

Сестра оставила мне обновленный дом — с ремонтом в духе «и так сойдет»: осыпающийся фундамент, кухонная техника закрашена, плесень, лезущая из сырых углов, — и видео на «Ютуб», вышедшее на следующей неделе: «Нашла давно потерянную сестру-близнеца и купила ей дом **#ЭМОЦИОНАЛЬНО**». За два дня ролик набрал десять миллионов просмотров. Люди восторгались щедростью Хлои: писали, что плакали, глядя на наше воссоединение, что мне невероятно повезло.

Но после выхода видео она ни разу мне не позвонила. Даже номер свой не дала.

Даже в «Инстаграме» на меня не подписалась.

Меня снова низвели до роли молчаливого наблюдателя, жалкой единицы в растущем числе ее подписчиков. Затеявшись в толпе ее фанатов, я смотрела, как она набирает первый миллион, потом второй, третий, а затем каким-то чудом взлетает до шести миллионов. Как заводит «Тик-Ток». Как общается со знаменитостями на **#NYFW**. Как официально представляет публике бойфренда — какого-то неопрятного белого парня в татуировках, готового

чуть ли не запустить подкаст о правах мужчин. А вскоре — как выкладывает пост о расставании.

Когда кто-нибудь изредка спрашивал в комментариях: «А что случилось с твоей сестрой?», она отвечала: «Джули не хочет публичности. Мы должны уважать ее частную жизнь». И ей верили, потому что обожаемая Хлоя Ван Хейзен не может поступать плохо. Иногда мне страшно хотелось написать: «Эй! Послушайте! Она просто использовала меня для своего видео! И вообще-то она конченная чертова стерва!!!!» Но я уже видела, как после этого ее бешенные фанаты заваливают меня сообщениями, сочащимися ненавистью, с пеной у рта бросаясь защищать свою любимицу: «Она купила тебе дом, чего тебе еще надо? Ты просто дешевая, страшненькая копия. Всем на тебя плевать! Что, совсем отчаялась?»

Несмотря на взрывные просмотры — двадцать миллионов, как-никак, — обо мне быстро забыли. У меня было десять секунд славы, а потом всем стало плевать. Я — лишь копия, меркнувшая на фоне своей сестры, сноска в истории ее великой жизни, забавный факт на фанатской вики-странице: а вы знали, что у Хлои есть сестра-близнец?

Через год молчания я смирилась, что она больше никогда мне не напишет, и заблокировала ее соцсети — жалкая попытка сохранить остатки рассудка. Но на реальность интернет-баррикаду не поставишь.

Чем выше взлетала моя сестра, тем чаще люди принимали меня за нее. Теперь и двух недель не проходит без мучительного напоминания о ее предательстве. Каждый раз, когда кто-то упоминает ее, меня затягивает в воронку раздражения, а по ночам, когда содрогается от порывов ветра мое подобие дома, мне порой слышится ее голос. «Джу-Джу», — стонут комнаты. Будто ее голос застрял эхом между стенами, скребется о дюжину слоев белой краски, отчаянно пытаюсь выбраться наружу.